Никитин Антон Павлович

ЯЗЫК И ДЕНЬГИ: СЕМИОТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНСТИТУТА ДЕНЕГ

В статье представлен подход, раскрывающий сущность денег как социального института, тесно связанного с языком. Фундаментальность языка по отношению к социальной реальности иллюстрируется примером денежных функций. Раскрывается семиотическая природа денег, рассматриваются различные подходы к установлению смысла и значения денежных знаков. Делается вывод, что деньги, являясь особого рода языковой системой, сами формируют институциональные факты в процессе социальной коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 97-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

POPULARITY OF STYLES AND GENRES OF JAZZ AND ROCK MUSIC AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: RESULTS OF A MUSICAL OPINION POLL

Nazin Aleksandr Sergeevich
Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences
ASNazin@gmail.com

In the article the author compiles and comprehends a pattern of the music styles of modern popular music on the basis of an opinion poll. The musical opinion poll of such type has been carried out for the first time in domestic musicology for a long period. It allowed concluding that now musical culture is formed with the elements of the musical language of first of all jazz and rock; the "hip hop" style has a significant impact in music industry; the elements of the artistic language of rock music are mostly in demand at the moment. The author proposes, on the basis of the views of the audience, to identify the trends and ways of the development of modern musical-artistic language.

Key words and phrases: music industry; modern musical culture; music audience; music style; jazz; rock.

УДК 141.3
Философские науки

В статье представлен подход, раскрывающий сущность денег как социального института, тесно связанного с языком. Фундаментальность языка по отношению к социальной реальности иллюстрируется примером денежных функций. Раскрывается семиотическая природа денег, рассматриваются различные подходы к установлению смысла и значения денежных знаков. Делается вывод, что деньги, являясь особого рода языковой системой, сами формируют институциональные факты в процессе социальной коммуникации.

Ключевые слова и фразы: деньги; социальный институт; социальный факт; язык; статусная функция.

Никитин Антон Павлович, к. филос. н.
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
pavlen-abakan@mail.ru

ЯЗЫК И ДЕНЬГИ: СЕМИОТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНСТИТУТА ДЕНЕГ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-03-00163.

В научной литературе, посвященной деньгам, можно обнаружить огромное количество определений, интерпретирующих данный феномен с различных сторон. Эти определения, по мнению В. В. Радаева, в принципе сводятся к двум тавтологичным предложениям: «деньги – это то, что выполняет функции денег», «деньги – это то, что признается в качестве денег» [4, с. 373, 379]. При этом связь первого определения со вторым становится явной, если правомерно допустить, что деньги, в случае не признания их качества, свои функции выполнять не могут.

Нет признания предметов деньгами – нет денежных функций, которые эти предметы могут осуществлять. Этот простой тезис отражает более фундаментальное положение, в соответствии с которым функционирование денег как меры стоимости, средства обмена, платежа и накопления является социальным фактом. Человек может прийти в магазин и взять в нем какой-либо товар, отдав за него несколько измятых бумажных банкнот, непосредственные полезные свойства которых несоизмеримо меньше непосредственных полезных свойств приобретенного товара. Это социальная реальность, которая создается самими людьми, в свою очередь формируя институционализированную деонтологию человеческого поведения.

Здесь необходимо пояснение, что подразумевается под словосочетанием «социальная реальность». Говоря о социальной реальности, мы исходим из предпосылки, что она есть совокупность социальных фактов, а не индивидов. Совокупность людей может продуцировать социальную реальность только в том случае, если между ними есть какое-то отношение. В принципе, это общее положение для всей классической социологии.

Что может выступать в качестве социальных фактов? В самом общем смысле всё то, что происходит с людьми по отношению к другим людям. Каждый студент российского вуза вынужден изучить курс иностранного языка; каждый человек, находящийся на территории Российской Федерации, может использовать в качестве средства платежа бумажные рубли; автомобилисту на российских дорогах разрешено продолжать движение на зеленый цвет светофора и т.д. Особенностью же всех этих фактов по отношению к природным фактам является их неадекватность для физического, химического или биологического описания.

Основания для этих и многих других социальных фактов нужно искать в совершенно иной области. Назвать ее можно по-разному, но традиционно используется понятие социального института. Из всех интерпретаций социальных институтов наиболее емким представляется определение, данное лауреатом

Нобелевской премии по экономике Д. Нортом: «Институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» [3, с. 17]. Есть институт образования, который ограничивает и побуждает действия студентов; есть институт денежного обращения, который ограничивает и побуждает действия хозяйствующих субъектов; есть институт дорожного движения, который ограничивает и побуждает действия автомобилистов; и т.д.

Специфика социальных институтов заключается в том, что они объективны по отношению к человеку в том смысле, что не являются предметом предпочтений того или иного лица, а имеют принудительный характер ко всем членам общества, но при этом «институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием» [Там же, с. 137]. Каким образом они создаются? Необходимым средством для этого выступает язык, без которого существование социальной реальности трудно представить.

По мнению Дж. Сёрля, язык выполняет следующие функции в процессе формирования институциональной реальности. 1) Институциональный факт может существовать лишь постольку, поскольку он представлен в качестве существующего в языке. 2) Институциональный факт предполагает деонтические полномочия, которые могут быть представлены только языковыми средствами. 3) Деонтология может продолжать свое существование после того, как была создана, и даже после того, как все ее агенты забудут об ее создании, однако это возможно только при наличии языковых средств. 4) «…ключевая функция языка состоит в том, чтобы распознавать институт как таковой» [5, с. 19].

В соответствии с этим денежное обращение также является социальным институтом, а функционирование денег является институциональным фактом. 1) Существование денег в принципе невозможно, если нет языковых средств, с помощью которых это существование будет представлено. 2) Функции денег всецело зависят от обязанностей и обязательств, которые обеспечивают конвенцию в их использовании. Однако признание этих деонтических полномочий может осуществиться только при условии их представления в языке. 3) Человек может иметь деньги, при этом не имея никакой наличности. Это может быть электронная запись счета или долговая расписка, или чек, или просто устное обещание в возвращении денежных средств. В любом случае это существование денег требует представления с помощью каких-либо языковых средств. Нет языка – нет денег. 4) С помощью языка деньги не только формируются, но и распознаются. Банкнота «сто рублей» может иметь покупательную способность только в том случае, если в ней распознают деньги, что возможно лишь с помощью языка.

При этом у денежного обращения, как у социального института, зависимого от института языка, есть одна немаловажная особенность, которая эту зависимость только усиливает. Данная особенность выражается в том, что любой физический предмет может выполнять функции денег. По сути это означает, что любая вещь может быть деньгами: ими могут быть золотые слитки и медные монеты, куски коровьей кожи и клочки бумаги, спички и сигареты, камни и люди и т.д. Деньги, таким образом, выполняют свои функции благодаря приписыванию им соответствующего статуса.

Денежные функции, тем самым, являются статусными, в том смысле, в каком использует словосочетание «статусная функция» Дж. Сёрль. Речь идет о таких функциях, которые приписываются предмету актом коллективной интенции, но сам предмет по своей физической структуре не предназначен для их выполнения. «Приписывание обычно имеет следующий вид: “X считается Y в контексте C”» [Там же, с. 12]. Примеры: «Крысы считались средством обмена у древних рапануйцев», «Сигареты принимались как средство оплаты в Голландии во время второй мировой войны», «Бумажные банкноты являются материальным носителем денежных единиц в Российской Федерации» и т.д.

Стоит напомнить, что разговор о деньгах в обыденной жизни подразумевает физически существующие вещи, обладающие максимальной ликвидностью и являющиеся универсальным эквивалентом стоимости товаров и услуг. Отсюда и определение, что деньги – это предметы, выполняющие функции, соответствующие денежным. В периоды обращения товарных денег так оно и было. Однако парадокс современных фидуциарных денег заключается в том, что сами банкноты и монеты деньгами не являются, а ими является знак, подтверждающий статусную функцию и изображенный на предмете (к примеру, надпись «сто рублей» и сопутствующие удостоверяющие символы).

Есть предмет – носитель денежного знака. Есть денежный знак, благодаря которому данный предмет выполняет функцию денег. Именно он и является деньгами. Это можно доказать обращением к той же обыденной практике: несмотря на то, что деньгами называются сами предметы, в случае, если бы у господина X в руках была одна купюра номиналом пять тысяч рублей, а у господина Y десять купюр номиналом сто рублей, первый мог бы утверждать, что у него денег больше, хотя самих предметов у него меньше.

Данная ситуация, повторимся, касается конкретно современных фидуциарных денег, пришедших на смену товарным и обеспеченным. Именно по отношению к фидуциарным деньгам можно смело признать, что они есть знаки, в дальнейшем не проводя между понятиями «деньги» и «денежный знак» различия. Стоит отметить, что с этих позиций легко разрешается спор экономистов по поводу того, являются ли деньгами банковские платежные карты и электронные записи счета типа *e-pay* и *yandex money*. Это деньги в том смысле, что информация, которую они представляют, указывает на наличие денежных знаков. Держим ли мы бумагу, на которой написано «сто рублей», или смотрим на экран, который отображает информацию о наличии на нашем счете ста рублей, эти деньги у нас все равно есть.

Таким образом, сущность денег никак не зависит от физических свойств носителя денежного знака. И в этом отношении статусная функция денег «свободна» от их существования в качестве физического предмета. Указанная специфика денег весьма важна в контексте вопроса о специфике социальной реальности, ведь, на первый взгляд, институциональным фактам, хоть они и формируются языковыми средствами, необходима физическая реализация. К примеру, президентом может быть только конкретный человек; гол в футболе может состояться только при наличии мяча, пересекающего линию ворот, и т.д. Стоило бы предположить, что и деньги не могут реализовывать свои статусные функции без физического существования, будь то существование бумаги, золота или кредитной карточки, однако это не так.

В работе Дж. Сёрля «Что такое институт?» деньги, наряду с другими социальными феноменами, включаются в обозначение «свободная Y», исходя из общей формулы институционального факта «X считается Y в контексте C» [Там же, с. 20-21]. В оперировании этим термином обнаруживается интересная эволюция его взглядов. В «Конструировании социальной реальности» [6] Дж. Сёрль утверждает явный приоритет X над Y, полагая, что статус не может существовать без предмета, а в дальнейшем он пишет, что «может существовать статусная функция, но нет физического объекта, который ею наделяется» [5, с. 20]. И далее он высказывает предположение, которое прямо указывает на знаковую природу денег: «На самом деле нетрудно представить себе общество, в котором есть деньги, но совершенно нет никакой наличности» [Там же, с. 21]. Для денежного обращения достаточно иметь общую систему фиксации численных величин, которая приписывает числовое значение тому или иному субъекту рынка. В момент покупки числовое значение будет уменьшаться у покупателя и на аналогичную сумму увеличиваться у продавца.

Тезис о том, что нельзя иметь деньги при отсутствии языка теперь приобретает новый аспект: нельзя иметь деньги при отсутствии языка, поскольку говоря о деньгах, мы подразумеваем именно языковую систему. Сущность денег, таким образом, выражается в их семиотической природе, что ставит перед нами ряд новых вопросов. Самый главный из них, – каково значение и смысл денежных знаков? Если мы понимаем под деньгами семиотическую систему, какова ее семантика?

В случае золотого или иного обеспечения денег значение денежных знаков вполне конкретизировано. Иметь сто рублей по сути означает иметь определенное количество золота, товарная ценность которого не вызывает сомнения. В случае же отмены золотого стандарта денотат денежных знаков оказывается весьма неопределенным.

В литературе, посвященной семиотическому анализу денег, по этому вопросу существует две крайние позиции. Первая выражена в школе французского постмодернизма и постструктурализма, в частности, в работах Ж. Бодрийяра, который включает современные виртуальные деньги в систему симулякров, то есть знаков, не имеющих означаемых предметов в реальности. Симуляционный характер экономики эпохи постмодерна – важный фактор в формировании финансовых кризисов. Эти кризисы – результат ничем не обеспеченного денежного обращения, раздуваемого кругооборота симулякров. Являясь знаком меновой стоимости, деньги в своем развитии становятся неподвластными и ей: «Освободившись от самого рынка, они превращаются в автономный симулякр, не отягощенный никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе» [1, с. 76].

Вторая крайняя позиция выражена в различного рода лингвистических работах, посвященных анализу концепта «деньги» и языковому контексту его употребления. Здесь, наоборот, значением денег признается бесконечное количество предметов, которые можно за них купить. Семантика денежных знаков оказывается зависимой от прагматики, то есть от того, как думает использовать деньги тот или иной субъект экономической деятельности. А поскольку за купюру с одинаковым номиналом в разные промежутки времени можно купить различное количество товаров, поскольку покупательная способность денег зависит еще и от месторасположения их использования, поскольку в целом относительная стоимость денег меняется в зависимости от политических, экономических и иных условий, постольку денежный знак не является языком, ведь «код, состоящий из знаков-переменных, никак не может быть языком» [2, с. 56].

Выявляются две противоположные позиции в установлении значения денежных знаков: в соответствии с одной из них деньги не обозначают ничего, кроме самих себя (самореферентная концепция); в соответствии с другой значением денег является все то, что может на них приобрести отдельно взятый субъект (прагматическая концепция). По сути, речь идет о двух полюсах в интерпретации денежных единиц: экстенсионалом их может выступать либо ничего, либо все.

В пользу самореферентной концепции денежных знаков говорит тот факт, что в современной экономической системе отсутствуют конкретные предметы, обеспечивающие товарную стоимость денег, что, кстати говоря, вызывает определенную тревогу в общественном сознании. С другой стороны, чем бы ни выражалась стоимость, ее знаки всегда будут эквивалентны друг другу в том смысле, что существует возможность купить сто рублей за сто рублей или тридцать сиклей серебра за тридцать сиклей серебра, и в этом отношении деньги всегда указывали на самих себя. Есть, тем не менее, один нюанс: если происходит отказ измерять стоимость с помощью сиклей серебра, то само серебро продолжает существовать; если люди отказываются измерять стоимость с помощью рублей, то само понятие «рубль» окажется употребляемым только в среде историков. Поэтому Ж. Бодрийяр и считает современные деньги симулякром.

В пользу прагматической концепции денежных знаков говорит тот факт, что они действительно представляют материальную ценность для человека, и это отличает их от множества других единиц измерения. В этом можно убедиться, сравнивая две фразы: «У меня есть сто килограмм» и «У меня есть сто рублей». Можно иметь сто килограмм чего-то, а не просто сто килограмм, поэтому первая фраза бессмысленна; однако

иметь сто рублей значит иметь именно рубли, это предложение осмысленно. Что же подразумевается? Подразумевается возможность приобрести товары и услуги в указанной ценовой границе – иметь сто рублей означает иметь возможность купить что-то, что не стоит более ста рублей. Если денежная мера используется по отношению к товарам, то фраза «Этот предмет стоит сто рублей» будет означать возможность быть приобретенным тем, у кого есть соответствующая сумма.

Наличие денег, таким образом, есть наличие возможности в приобретении чего-то, но не присутствие самого материального богатства. Человек, владеющий деньгами, является человеком, владеющим языковой системой деонтических полномочий («мне можно то-то», «у меня может быть то-то» и т.д.), встроенных в институциональную среду.

Обобщая все вышесказанное, мы можем констатировать, что сущность денег выражается не в их тождественности материальному достатку, а в их существовании как знаковой системы, определяющей возможности человека в процессе социальной коммуникации. Проблема соотношения языка и социальной реальности в данном случае приобретает следующее разрешение: 1) социальные факты не могут существовать без языка (нельзя иметь деньги без языка); 2) некоторые социальные факты есть языковая система (деньги есть знак, функционирование денег есть коммуникативный акт); 3) будучи языковой системой, некоторые социальные факты определяют другие социальные факты (деньги определяют возможности человека в обществе).

Список литературы

1. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. **Лукин В. А.** Семиотика денег: деньгоцентричность человека и антропоцентричность денег // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 55-64.
3. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
4. **Радаев В. В.** Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.
5. **Сёрль Дж.** Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5-27.
6. **Searle J.** The Construction of Social Reality. N. Y.: Free Press, 1995. 242 p.

LANGUAGE AND MONEY: SEMIOTIC INTERPRETATION OF THE INSTITUTE OF MONEY

Nikitin Anton Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Khakass State University named after N. F. Katanov
pavlen-abakan@mail.ru

The paper presents an approach that reveals the essence of money as a social institution closely connected with the language. The fundamentality of language in relation to social reality is illustrated by the example of monetary functions. The article reveals the semiotic nature of money, considers various approaches to the identification of the sense and meaning of banknotes. The conclusion is that money, being a special kind of the language system, forms institutional facts in the process of social communication.

Key words and phrases: money; social institution; social fact; language; status function.

УДК 130.1
Философские науки

Данная статья посвящена вопросам определения места и границ феномена страсти в субъективной реальности человека. Проводится философский анализ подходов к детерминации и определению места страстей в структуре социальной реальности. Как инструмент социально-философского анализа используется четырехчленная схема различения понятий, предложенная С. В. Чебановым. По результатам исследования автор предлагает аналитическую систему, в рамках которой возможен комплексный анализ феномена страсти.

Ключевые слова и фразы: феномен страсти; социальная реальность; аффект; чувство; четырехчленная схема различения; границы страсти; анализ страстей.

Озерова Изабелла Евгеньевна
Ивановский государственный химико-технологический университет
iza_777@mail.ru

ДЕМАРКАЦИЯ СТРАСТЕЙ

В философской мысли и гуманитарных науках нет единства в понимании природы страстей. Классики рационализма понимали страсть как личностное переживание, от которого невозможно полностью освободиться и преодолеть, навязанное действие. Р. Декарт считал, что природа страсти рациональна, и даже те действия, которые называют аффективными, происходившими в минуты ослепления страстью, имеют причину